

— Ба, ты мои часы не видела? Я всю комнату уже перерыл вверх дном.

— Да когда ж мне следить за твоими вещами? У меня своих хлопот полон рот.

Я задумчиво присел на кушетку рядом с Василием, уплетающим за обе щеки картофельное пюре с мясной подливой и смотрящим какой-то голливудский боевичок по «Рен-ТВ». В своё время нам удалось урвать по дешёвке аж три телевизора, один из которых, самый маленький, разместили на кухне: у нас даже сложилась некая традиция ужинать под него. Моя тарелка так и стояла нетронутой, а я не спешил приниматься за еду. Не знаю, в чём дело, но потеря наручных часов наводила на меня тоску и напрочь отбивала аппетит.

— Да ешь уже, — закатив глаза, я с раздражением пододвинул свою тарелку к Василию, что уже покончил со своей порцией и неотрывно вытаращился на мою. Вот же прожорливый какой, я с него лысею.

Вытянув рот до ушей, тот молча кивнул и принял мою порцию. Ничего, проголодаюсь — положу ещё. Разве что за хлеб можно было опасаться, как бы Василий его не "заточил" до крошек — день закупок у нас планировался на завтра, и в хлебнице покоились лишь жалкие останки мучного. А пюре без хлеба всё равно, что суп без... без того же хлеба, да. Сплошное издевательство.

— А сколько вообще времени-то? — задумчиво пробубнил я под нос, выискивая взглядом настенные часы. С момента обнаружения пропажи меня не отпускало чувство, что мне хочется узнать точное время. — Э-э-эм, ба, а куда подевались часы с кухни?

Мой взгляд вперился в пустующее место, где должны были висеть квадратной формы, в бежевой раме, настенные часы. Хм, даже вбитый грубо отцом гвоздь куда-то испарился.

— Кажется, твой папа снёс их в ремонт, стрелка барахла или вроде того, — пожала плечами бабушка, не отрываясь от мытья посуды.

Ничего удивительного, они довольно старенькие уже, вполне ожидаемый исход. Но гвоздь-то зачем убирать?... А ну, постойте-ка...

Привстав, я пригляделся. Нет, мне не показалось — стена была абсолютно нетронутой. Дырки не было. Поклеили? Но зачем? А главное — когда успели? За те три-четыре часа, пока я шатался с парнями на улице?

Не веря глазам, я поскрёб ногтем в месте, где должен был находиться гвоздь. Нет, дыру не поклеили обоями. Её полностью заделали. Куда бы я ни тыкал пальцем — он постоянно упирался в твёрдую стену.

Мне... мне это просто мерещится? А-ха-ха-ха... Тут ведь никогда не было дыры и гвоздя? Но я

ведь твёрдо убеждён в обратном...

— Пап? — Оставив пока кухню в покое, я осторожно постучался в соседнюю комнату. Отец уже вернулся и всюду был поглощён футбольным матчем — он даже не заметил моего присутствия. — У тебя будильник рабочий? Сколько там времени?

— Не знаю, отстань, не мешай, — отмахнулся тот, вылупившись на экран.

Поняв, что в нынешней ситуации беспокоить его — себе дороже, я робко проскользнул в комнату для поиска заветного будильника, что обычно стоял на тумбочке возле кровати. Обычно...

— Пап, а ты будильник тоже, что ли, снёс в ремонт? — кротко спросил я.

Тумбочка также пустовала. Даже следа не осталось от агрегата, а ведь пыль на ней протирали неохотно — тонкий сероватый слой уже успел образоваться. И он был равномерным, словно на нём ничего и не лежало.

— Не знаю, отстань, — вновь пробубнил он, как заведённый.

«Да что за чертовщина?» — промелькнуло у меня в голове.

Закравшееся было беспокойство медленно перерастало в тревогу. Ладони успели вспотеть, а по спине пробежал холодок. Подобных странностей с предметами и уж тем более поведением родственников на моей памяти никогда не было. Ладно кухонные часы, но будильник относительно новый — с ним-то что стряслось?

Уходя, я мельком обронил взгляд на экран телевизора. Если не ошибаюсь, некоторые телеканалы транслировали спутниковое время, но данный, спортивный, был не в их числе — вообще никаких цифр не проглядывалось. Возможно, мне просто показалось, но там отсутствовало даже время матча, обычно выведенное в правом верхнем углу. Да нет, показалось, скорей всего... это уже совсем бред.

Остался последний из присутствующих членов семьи.

— Вареник, я войду? — я деликатно постучал в неприметную дверь, зажатую между моей комнатой и чуланом. — Надеюсь, ты одета...

Сказано сие было скорей по привычке, так как эта девчонка, уже привыкшая к неотёсанности своего старшего брата, никогда не позволяла себе оставлять комнату открытой, если пребывала в неглиже. Вот и сейчас меня встретили два гладких полушария ягодич, обёрнутые в спортивные шорты и покачивающиеся в такт на кровати: сестрёнка, лёжа на животе, читала очередной ужастик Роберта Стайна, отгородившись от внешнего мира при помощи наушников

и кассетного плеера. Меня всегда раздражала её эта манера лежать, прости господи, задницей к двери: открывавшийся мне каждый раз при посещении её комнаты вид вгонял в краску и заставлял испытывать смешанные чувства. Я всё же парень, как ни крути, — какой-то стыд должен же быть.

Поморщив лоб, я смело шагнул внутрь.

— Да какого чёрта?! — заметив наконец меня, уже успевшего обшарить все доступные места, Варя рывком вскочила с кровати, недобро уперев руки в бока: мои визиты всегда оставляли желать для неё лучшего, но мне и самому хотелось быть здесь меньше всего — все эти плюшевые игрушки и девчачьи постеры на стенах заставляли чувствовать себя неудобно. — Не смей трогать мои вещи, увалень!

— Не шуми, — спокойно осадил я её, не прерывая своих поисков. — Ты мои наручные часы не брала?

— Далось мне твоё барахло, — насупилась та. — Это всё?

— А твой будильник где?

— Мне почём знать? — девочка раздражённо закатила глаза. — Да оставь уже мои вещи в покое, ты!

— Будильник... — Я чувствовал, что моё терпение понемногу достигало своего апогея, и тревога медленно перерастала в обычный гнев, отчего голос невольно повысился. — Мне он нужен, срочно!

— Ничего не знаю, убирайся из моей комнаты! — взвизгнула та, злобно указав на распахнутую дверь. — Я сейчас отцу пожалуюсь, что ты такой грубиян!

— Время, твою мать!

Поддавшись внезапному порыву, я крепко обхватил ладонями её худые плечи, отчего девочка в испуге попыталась дёрнуться, но её сила была нечета моей. Я понимал, что делаю что-то неправильное, но и не подумал себя останавливать.

Я сжал плечи сильнее — Варя взвизгнула сквозь плотно стиснутые зубы, вероятно, противостоя боли, причиняемой мною.

— Живо! — грозно потребовал я снова.

Девочка, не зная куда деваться, затряслась в моих руках, не в силах что-либо ответить —

её широко распахнутые карие глаза в этот момент были красноречивей всего: она пребывала в шоке от моего поступка и добиться от неё хоть чего-то в данный момент — замысел заведомо провальный. И стоило мне заметить её начавшие увлажняться глаза так близко к себе, как меня тут же "отпустило". Весь гнев моментально заменился раскаянием.

— П-прости, — отведя взгляд, я разжал успевшие побелеть от напряжения пальцы, и та спешно отступила от меня на пару шагов. — Я не хотел... просто...

— Пшёл... вон... — только и прошептала она трясущимися губами, прижимаясь спиной к стене, тем самым освобождая мне путь.

Обескураженный и опустошённый, я медленно побрёл прочь к себе. Конечно, вся эта ситуация с часами что-то из ряда вон выходящее и знатно так раздражает. И всё же моему поступку нет оправдания. Она не просто девочка, да ещё младше меня — она моя сестра, с которой у нас на удивление выстроились вполне тёплые отношения, несмотря на случающиеся перебранки. Моя кровь. Моя семья.

Да что здесь творится?.. И что на меня нашло?

Всё, на что меня хватило — молча упасть на стул и вытянуть ноги под письменным столом.

Трудно сказать, сколько я так просидел — мой взгляд вяло перетекал от одной точки к другой, без интереса разглядывая немногочисленные пожитки: простые книги и школьные учебники, перемешавшиеся все на одной полке крохотного шкафчика; игровая приставка покоится на дне картонной коробки вместе с десятком картриджей, убранными подальше в уголок; за спиной не застеленная с самого утра простенькая пружинная кровать с побросанной прямо сверху сменной одеждой, в которую я так и не переоделся с улицы. Может для начала стоит переодеться? Но меня сейчас не заботили подобные мелочи — я растерян... если не сказать напуган. Вот только чем? Трудно сказать, но что-то настойчиво клевало меня в затылок, требуя собраться с мыслями.

— Мама... — вырвалось у меня, стоило хоть немного расслабиться.

Я не знаю сколько сейчас времени, но по внутренним ощущениям уже не меньше десяти — её самая поздняя электричка, с которой она сходила на нашей станции, прибывает где-то в половине одиннадцатого. Мне нужно поговорить с ней, тем более что с мамой у нас лучше налажено взаимопонимание, чем с кем-либо ещё. У меня складывалось впечатление, что я схожу с ума в этих четырёх стенах — встречу её, заодно проветрюсь.

— Внучок? — Я настолько спешно возился с обувью, что мой шорох, наверное, был слышен на всю квартиру: голос бабушки сразу же раздался со стороны кухни. Как и звон от алюминиевой ложки, скребущей по керамической тарелке — Василий до сих пор не расправился с моей порцией? Прошло уже минут десять-пятнадцать... Чудеса, да и только. — И куда ты собрался на ночь глядя?

— Не переживай, я тут, рядом, — отмахнулся я, уже на ходу застёгивая куртку. — Скоро буду.

Ключ уже сделал второй оборот в замке, когда бабушка бросила мне что-то вслед, но я не стал слушать: не до нравоучений сейчас. Перепрыгивая через ступеньку, я пулей вылетел из подъезда и понёсся по тропинке, ведущей через небольшую игровую площадку, что окружают три трёхэтажных дома, беря оную в своеобразное кольцо. Если бы меня сейчас спросили, зачем я бегу — мне нечего было бы на это ответить. Я не знаю, когда именно она приедет и сколько времени придётся прождать её там. Мне просто хотелось оказаться там как можно быстрее, словно вокзал являлся единственным лучиком надежды в этой тьме абсурда и непонимания.

Местная администрация скверно заботилась о благоустройстве поселения, но на уличные фонари не поскупилась: дороги были честно освещены на всю возможную мощь. Я бежал по разбитому, но хотя бы превосходно видимому асфальту, будто и не наступала никакая ночь. Лишь абсолютная пустота улиц и отсутствие каких-либо звуков, кроме завывания гуляющего ветра, напоминали о времени суток.

Успела возникнуть слабая отдышка, когда я свернул на перекрёстке вправо. Городской район остался по правую руку — вдалеке всё ещё можно разглядеть мерцание огоньков окон. Теперь же меня провожали быстро сменяющиеся деревянные домики с успевшими поржаветь металлическими калитками, хотя кое-где сохранились и деревянные заборы. У меня не было желания вертеть головой по сторонам, но краем глаза таки успел отметить, что чем дальше мои ноги несли меня, тем реже попадались горящие окна. И свет в них становился всё тусклее и тусклее. Снова моё воображение играет со мной злую шутку?

Спину приятно обдало холодом, стоило мне рухнуть на металлическое покрытие лавочки и блаженно откинуться назад, на перила платформы. К счастью, железнодорожный путь, что вёл поезда со стороны города в глубинку, располагался прямо у основной дороги — вторая платформа находилась дальше и путь туда вёл по протоптанной тропе, что дугой идёт справа от "бетонки". Когда заняться дома было нечем, я частенько вот так прибежал встречать маму с работы. Она постоянно сетовала, мол «нечего ребёнку так поздно гулять», но в итоге довольно вручала мне сумку, и мы неспешно возвращались домой. Забавно, но сейчас я думал об этом так, словно это было очень давно, хотя с последнего раза прошло-то дня три, не больше.

Жжение в горле понемногу отступило, возвращая мне ровное дыхание, пускай и всё ещё горячее от физических нагрузок — я далеко не спортивный парень, всё больше увлекающийся видео и карточными играми. Платформенные ночные лампы светили исправно и даже ярко, если сравнивать с огнями близстоящих жилых домов, где окна скорей просто окрашивались в жёлтые и белые тона, без намёка на освещение... словно глаза устлала пелена, но её никак не убрать. Да что за?.. Нет, я просто устал... Вон уже с трудом зевая проглатываю. Обычная сонливость. Лишь бы не заснуть — пускай сейчас и не зима, но всё ещё холодно. И есть шанс, что, уснув тут, я больше не проснусь... Нет, что за бред я несу? Просто заболею ангиной, да... точно.

Ожидаемо, в такое позднее время вокзал был безлюден и тих. За то время, пока я бежал сюда, даже ветер успел стихнуть и теперь воцарилась могильная тишина. Люди давно сидят дома, а некоторые уже и спят. Те редкие птицы, что уже успели прилететь, берут с нас пример и

также не подают признаков жизни. Растирая покрывшиеся мурашками ладони, я невольно взялся бродить туда-сюда по платформе, поскольку чувствовал себя отдохнувшим и не видел смысла морозить ещё и зад. Семафор привычно горел синим цветом и не менялся уже минут десять... Ах, если бы я ещё знал, что эти цвета означают...

— А? Чего это оно?.. — озадаченно выдохнул я, проходя мимо застеклённого расписания поездов.

Конечно, весна только-только отвоёвывала жизненное пространство у прошедшей зимы, но...

Стекло практически полностью покрылось испариной, не позволяя мне что-либо разглядеть, смазывая текст на бумаге. Лишь самый малый, даже крошечный, участок не поддался непогоде — виднеющаяся строчка оповещала о прибытии электропоезда номер 1507 в 20:22. Даже не зная, сколько сейчас времени, мне было понятно, что это не мой транспорт: уже наверняка одиннадцатый час, да и мать раньше девяти не закончила бы. В тщетной попытке хоть немного протереть подморозившееся стекло, я довольно скоро отказался от этой затеи, тихо бранясь сквозь зубы и продолжая вырисовывать круги по платформе. Ничего, рано или поздно какой-нибудь поезд проедет — они едва ли не до двух ночи мотаются. Да и не может же мама не приехать, верно? Ведь верно?..

<http://tl.rulate.ru/book/103064/3570471>